

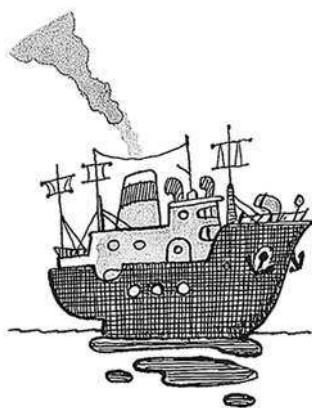

Рисунки Вячеслава Полухина

ДОШКОЛЬНОЕ
ЧТЕНИЕ

Виталий Коржиков

Весёлое мореплавание Солнышкина

«МАСТЫЦА»

ПАРУСА! ВПЕРЕДИ — ПАРУСА!

В один из июльских солнечных дней проводник седьмого вагона поезда Москва — Океанск стал свидетелем удивительного события.

Накануне вечером на станции Хабаровск в вагон вошли два молодцеватых моряка. Едва они встали на подножку, вагон прогнулся и крякнул от тяжести. Один из моряков внёс на спине большой серый мешок и осторожно опустил на пол возле своей полки.

Поезд скрипнул и тронулся. За окнами заплясали сопки и начались разные таёжные штучки. С ёлки на ёлку прыгали звёзды. Следом за вагоном бежала лиса и присматривалась, не выбросит

ли кто по ошибке из окна кусок колбасы. На соснах сидели совы и сигнализируют друг другу громадными глазами: «Точка — тире... Точка — тире».

Вагон качался, как колыбель. Пассажиры уснули на редкость быстро и стали так храпеть, будто соревновались друг с другом. А при каждом вздохе моряков крыша вагона ходила ходуном, поднимаясь и опускаясь, как гармошка.

— Здорово спят! — позавидовал проводник и тоже решил прикорнуть.

Он сел у входной двери, положил седую голову на руки и стал глядеть вдоль коридора. Вот из одного купе выкатился и, словно заскучав от одиночества, укатился обратно полосатый мячик. Вот на верхней полке чья-то левая нога почесала правую... Проводнику надоело на это смотреть и стало грустно. А уснуть он не мог, оттого что страдал бессонницей. Он собирался уже встать и подмести пол, но вдруг ему почудилось, что серый мешок в конце коридора неожиданно повернулся сам по себе, словно бы на ногах!..

«Стоп! Кажется, я начинаю видеть сон!» — подумал проводник.

.....
Мешок подпрыгнул раз, другой и поскакал ему навстречу.

«Ну, так и есть, — усмехнулся проводник. — Наконец-то я хоть немного вздремну!»

...Мешок скакал ему навстречу. Вот он остановился и с опаской притих.

«А ты не бойся, — весело сказал проводник, — я сейчас сплю».

Он хотел похлопать мешок сверху, но мешок отскочил.

Тогда проводник поднял руку, как семафор. Мешок, шатаясь, вывалился из коридора. Потом из него вдруг выросла рука, протянулась к стакану и открыла кран у бака с водой.

«Все хотят пить», — сказал проводник.

Но мешок промолчал, напился, поставил стакан на бак и поскакал обратно.

«Вот сейчас он станет на место, и я проснусь...»

Мешок свалился у своей полки, и проводник действительно встал. Он скосил один глаз за окно на лысые сопки, зевнул и вдруг круто повернулся к двери: в коридоре из бачка бежала вода! Кто-то пил и оставил кран незакрытым! Рядом никого не было. Проводник вдруг вспомнил свой сон и,

с подозрением взглянув на пол, направился по коридору вперёд.

У матросского купе он остановился. Мешок лежал у полки, свернувшись так, будто вместе со всеми спал крепким дорожным сном.

«Странно...» — подумал проводник и хотел рассмотреть мешок поближе, но в это время один из моряков так вздохнул, что проводника отбросило струёй воздуха к стенке вагона.

— Странно! — сказал он, потирая затылок.

Но самое удивительное произошло всё-таки днём. Поезд подходил к пригородам Океанска, и пассажиры бросились к окнам. Слева шелестели деревья, а справа сверкала голубая вода океанского залива. Повсюду в вагоне опустили стёкла, и в коридор ворвался запах моря.

Проводник подошёл к морякам отдать билеты и сказал:

— Что, братцы, прибыли на океан? На родной, на Тихий?

И вдруг он отскочил в сторону. Из-под его ног рванулся мешок, из которого появилась крепкая рыжая голова и с отчаянным криком: «Где океан?» — по-

вернулась к окну. Проводник оторопело упал на сиденье, а из мешка выкатился коренастый крепыш в залатанной тельняшке. Он вскочил на стол и, высунув в окно голову, закричал:

— Паруса! Впереди — паруса!

Поезд проносился мимо весёлых коричневых пляжей. На них, как сухари на противне, подрумянивались купальщики. А вдалеке по синей воде ловко бежали яхты и качали стройными парусами.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ

«Впереди — паруса!» Это кричал самый счастливый человек на земле — Алексей Солнышкин.

Четыре дня назад его бабушка, Анна Николаевна, уборщица сельского клуба, довязала ему новый свитер. Потом положила в мешок хлеба, сала и кедровых орешков, отсчитала на дорогу тридцать потёртых рубликов и, чмокнув внука в рыжий чубчик, отправила из тайги в город — поступать в училище. Но ни в какое училище Солнышкин не

собирался. Глаза у него светились, как морская вода. Десять лет ему уже снились океан, грохот прибоя и высокие корабельные мачты. И поэтому на станции, сунув рублики в окошечко билетной кассы, он попросил:

— Один до Океанска!

— Денег-то едва до Хабаровска... — сказала кассирша.

— Куда хватит, — сказал Солнышкин.

И через три дня проводница высаживала Солнышкина из вагона в Хабаровске.

Прихватив свой мешок, он обдумывал, как добираться дальше, когда на перроне появились два матроса. Они браво направлялись к седьмому вагону. Солнышкин с грустью посмотрел на них.

— Эге, кажется, человек в беде! — сказал один из моряков и остановился.

— Далеко? — спросил у Солнышкина второй.

— В Океанск, — ответил Солнышкин.

— Такой груз в мешке за спиной таскать можно, — сказал первый, окинув Солнышкина взглядом.

И через несколько минут Солнышкин, согнувшись в собственном мешке,

.....
въезжал на матросской спине в двери вагона.

Всё, что произошло потом, хорошо известно читателям, и мы можем продолжать рассказ дальше.

Солнышкин что было сил кричал:

— Впереди — паруса!

Проводник хлопал глазами, матросы смеялись.

Поезд проскочил сквозь дымный, как печка, тоннель, промчался под громадной скалой и остановился перед похожим на сказочный терем вокзалом. Слева по перрону бежали, толкаясь, пассажиры, покрикивали носильщики. А справа, среди залива, тянулись к небу десятки мачт, упирались в причал чернобокие корабли. А над заливом кувыркались чайки.

Солнышкин схватил мешок, махнул всем на прощание и выпрыгнул на перрон.

— В школу! В морскую школу! — сказал он и уже через полчаса взбирался по шумной улице Океанска к красивому белому зданию.

По направлению к школе шли капитаны. Что-то шепча, торопились глазастые старушки.

«Обгоняют!» — сообразил Солнышкин и припустил во все лопатки. Высунув кончик языка и задыхаясь, он влетел на широкие гранитные ступени.

МАЛ, МАЛ! ПОДРАСТИ НЕМНОГО!

Солнышкин потянул к себе дверь за бронзовую ручку и оказался в вестибюле. У мраморной лестницы стояли два высоких курсанта. На них были красивые форменные фуражки, руки в белых перчатках крепко сжаты в кулаки, а подбородки, казалось, были из самого твёрдого мрамора.

«Здóрово!» — подумал Солнышкин и представил себя в этой форме у этой лестницы. Вот так он сфотографируется, такую фотокарточку он пошлёт бабушке!

— Как мне пройти к начальнику школы? — спросил Солнышкин, поглядывая на дежурных.

Два металлических голоса торжественно произнесли:

— Коридор — налево, коридор — направо, комната — прямо!

Солнышкин кивнул: «Спасибо!» — и в три прыжка одолел ступени. Коридор — налево! Коридор — направо! Зелёные стены качались, как волны. Солнышкин летел по мягкому ковру, как яхта по морю. Флажком развевался рыжий хохолок. Вот уже сверкнула табличка «Начальник школы», и Солнышкин собирался открыть дверь, как вдруг услышал, что там, в кабинете, что-то затенькало. Будто пробежали пальцами по клавишам: «Там-та-та-там, там-та-та-там».

Он прислушался. Звуки повторились, и кто-то пропел:

Бури нас вновь позовут,
В море герои уйдут...

Солнышкин приоткрыл дверь и увидел толстячка, сидящего за пианино. Толстячок оглянулся и лукаво спросил:

— Что, подслушиваем?

— Что вы! — Солнышкин замотал головой.

Но человек подмигнул ему: «Знаем, знаем!» — и улыбнулся.

Нужно сказать, что начальник училища в свободное время сочинял музыку. И когда он наигрывал в кабинете свои

сочинения, ему казалось, что за дверью стоит на цыпочках и прислушивается целая толпа почитателей его таланта. Это прибавляло ему сил и вдохновения, и он ещё сильнее ударял по клавишам. Хор в училище распевал его песни, курсанты маршировали под его марши.

Сейчас начальник закончил новую песню «Бравые моряки». Он был уверен, что за дверью слушает вся школа.

— Ну, заходи, заходи, — кивнул он.

Солнышкин вошёл и по стойке «смирно» застыл на ковре.

— Споём? — жизнерадостно спросил его начальник.

— Споём! — воскликнул Солнышкин.

Ему и вправду хотелось петь. Всё устраивалось великолепно! Удача летела ему навстречу на всех парусах. Даже на крышке пианино, за которым сидел начальник школы, был вырезан большой красивый парус. Начальник ударил по клавишам и снова запел:

Бури нас всех позовут,
В море герои уйдут...

И Солнышкин стал подпевать грубоватым баском.

— Хорошо получается, — сказал начальник.

И сердце у Солнышкина подпрыгнуло от радости.

— Хорошо поёшь! — повторил начальник и повернулся к Солнышкину: — На каком курсе учишься?

— Поступаю на первый, — отрапортовал Солнышкин. — Буду учиться на первом!

— Хорошо, — сказал начальник. — Очень хорошо придумал. В море должны идти люди с крепкими голосами. Где документы?

Солнышкин вытащил из кармана новенькую хрустящую метрику.

— А паспорт? — спросил тревожно начальник.

— А паспорт я через два года обязательно получу, — сказал Солнышкин.

Начальник заглянул в метрику, потом опустил руку на клавиши так, что они горько всхлипнули, и вздохнул:

— Хорошо поёшь, Солнышкин... А принять не могу. Мал, мал! Подрасти немного, и мы ещё споём с тобой такие песни!

Солнышкин будто полетел с мачты в холодное море. Песен он больше не слышал. Зато почувствовал, как на гу-

